

И.В. КАТЕРНЫЙ, Д.Э. ЗАКИЕВА

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ТАРОМАНТИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович – доктор социологических наук, профессор кафедры; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (yarkus@mail.ru); ЗАКИЕВА Диана Эдуардовна – аспирантка (diana.zakieva@list.ru). Оба – кафедра социологии МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена изучению социальных и культурных механизмов конструирования эзотерической реальности в рамках дискурсивной практики гадания на картах Таро, демонстрирующей все большую популярность в массовой российской и глобальной культуре. В первой части рассматриваются социокультурные факторы формирования дискурса таромантии в рамках истории модернизации западноевропейского общества от «общего кризиса» XVII в. до возникновения движения новой духовности в XX в. Доказывается, что гадательная прагматика Таро не имеет отношения к древним знаниям или архетипическим символам, а конструируется как инициатическая и доктринальная система тайных обществ с целью объединения граждан в эпоху упадка институциональной религии ради легитимации символических универсумов альтернативной сакральности. Во второй части статьи приводятся некоторые данные многоступенчатого эмпирического исследования символической и социальной структуры гадательного перформанса таромантии в онлайн-среде. Выделены типы онлайн-дивинаторов и их зрителей, их коммуникативные стратегии, показано устройство феноменологической сети ритуала гадания и его драматургический порядок.

Ключевые слова: эзотерика • Таро • гадание • тайные общества • конструирование реальности • социальный перформанс

DOI: 10.31857/S0132162524100127

Последние годы в России продемонстрировали тренд на популяризацию так называемых эзотерических услуг среди самых различных категорий потребителей. Так, по данным платформы GetCourse, онлайн-обучение по эзотерическим направлениям в 2022 г. получило наибольший прирост (15%), опередив по итоговым показателям такие традиционные интересы пользователей, как психология, изучение языков, личностный рост, финансовая грамотность¹. Подобную тенденцию фиксируют и книжные издательства: в 2021 г. лидер книжного рынка компания «Эксмо» зафиксировала рост продаж литературы в эзотерической тематике на 53%². И даже крупные бизнес-структуры вводят должность штатного таролога для более, как им кажется, эффективного подбора персонала³. Использование «эзотерических» инструментов при принятии бизнес-решений – советов астрологов, нумерологов, тарологов и магов – считают «полезным» или «скорее полезным» 24% опрошенных компанией IFORS Research представителей малого и среднего бизнеса в России⁴ [Бутрин, 2023].

¹ Итоги 2022 от GetCourse. Каким был наш 2022 и чего от нас ждать в 2023? // Getcourse. 28.12.2022. URL: <https://getcourse.ru/blog/1015833> (дата обращения: 29.04.2024).

² Лебедева В. Карма – источник знаний // Коммерсантъ. 2022. № 17 от 1 февраля. С. 1.

³ Шукин П. Владелец «Пятерочки» решил нанять таролога с навыками защиты от магии // Лента. 13.03.2024. URL: <https://lenta.ru/news/2024/03/13/taro/> (дата обращения: 29.04.2024).

⁴ Бутрин Д. Как карты таро лягут. Четверть российского малого бизнеса видит смысл в эзотерических практиках // Коммерсантъ. 2023. № 189 от 11 октября. С. 2

Подобные волны случаются в определенные, «переходные» периоды социального развития, когда формируются условия для появления кризисного общественного сознания. Известными и хорошо изученными примерами исторического всплеска интереса к паранаучному знанию были в начале XX в. в Европе, а также в России конца второго тысячелетия. В Америке эзотерический бум особенно ярко проявился после Второй мировой войны на фоне «духовного кризиса» и контркультурных поисков, органично влившись в движения хиппи, феминизма и новой духовности, став в итоге мейнстримом к 1980-м гг. [Rosenthal, 2012: 390–420]. Все эти примеры показывают, что эзотерика как культурный феномен выполняет важные социальные функции именно в условиях нарастания признаков *кризисной социальности* [Катерный, 2023], выступая, с одной стороны, как альтернативная мифозамещающая идея, когда наука и религия утрачивают легитимное господство в сфере знания и морали, а с другой стороны, предлагая эффективные в своей перформативности методы решения практических задач, связанных с адаптацией к ситуации неопределенности и риска в различных жизненных сферах.

Эпистемической особенностью кризисной социальности является резкое снижение рационального постижения природы и каузальных связей происходящего в мире даже на экспертно-научном уровне. Это влечет за собой неизбежное чувство невозможности до конца совладать с перманентной ситуацией поликризиса. Дерационализация социальных процессов и последующее антропологическое смещение рефлексивности становятся фундаментальными причинами роста спроса на знание за пределами научной картины мира. Но на фоне снижения глобальной религиозности [Инглхарт, 2022] и эффективности традиционной институциональной духовности в России⁵ это ведет не к укреплению традиционных ценностных ориентаций, но к поиску альтернативных «символических универсумов» (П. Бергер, Т. Лукман).

Таким образом, в рамках трихотомии «наука – религия – эзотерика» последняя включает в себя все культурные формы (от идей до практик), признанные как ненаучными, так и нерелигиозными со стороны соответствующих легитимных институтов, и имеющие маргинальный институциональный статус в системе удовлетворения терминальных («духовных») потребностей. Хотя споры о том, что (не) включает в себя эзотерика с культурологической точки зрения, не утихают до сих пор, нам важно выделить сугубо социологический контекст исследования. Для этого помимо начатого функционального анализа разберем исторический и перформативный аспекты эзотерики и тарологии, в частности.

Социокультурные факторы формирования дискурса таромантии в истории. Согласно филологическим изысканиям, сам термин «эзотерика» входит в дискурсивный оборот европейских ученых лишь к концу XVIII в., а в англоязычной литературе и вовсе появляется к концу XIX в. [Neugebauer-Wölk, 2010]. Появившись как специализированный термин для обозначения идей древнего кружка пифагорейцев, «эзотерика» быстро перенеслась из прошлого в настоящее и благодаря деятельности тайных обществ (масонов и др.) и трудам влиятельных оккультистов (Э. Леви, Е. Блаватской и др.) актуализировалась как новая, «истинная» область знаний. Это способствовало ее популяризации и даже появлению профессии «эзотерика» к 1970-м гг. в связи с развитием движения «новой духовности» (New Age), особенностью которого стало переоткрытие и синкретическое смешение гетерогенных интеллектуальных и культурных традиций, что требовало экспертного знания. «Эзотерика» как современный нарратив и соответствующая практика неопределенно широкого толка возникает именно как дискурсивный продукт эпохи Просвещения (т.е. «иллюминации» нового знания) и последующей постсекулярной модернизации западного общества для обозначения неких тайных/скрытых (буквально – «эзотерических») знаний

⁵ Религия и общество: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ от 27.07.2023 г. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 02.02.2024).

в противоположность «явным» (буквально – «экзотерическим») научным и религиозным (прежде всего, христианским) представлениям о мире.

Сам феномен тайного, секретного, сакрального знания сопровождает эволюцию человеческой культуры испокон веков. Соккрытие, утаивание знаний и навыков играет важную социальную роль в социальной стратификации и распределении благ в традиционных и архаических обществах. С точки зрения культурного производства еще до возникновения традиционных религий гадательные практики (на костях, жертвенных животных, полетах птиц, снах) играли системообразующую роль в поддержании сакрального порядка. Классики-антропологи подчеркивали, что профессия мага и колдуна была первой в истории человечества, и их функция была охранять доступ к сакральному [Малиновский, 2020: 87]. Символизация вещей в древнем гадании (в древнем Китае, Месопотамии) была первой коммуникативной формой создания и поддержания тайны. Гадание проводит символические границы между такими категориями, как поверхность/глубина, открытое/тайное, знакомое/незнакомое, ясное/неясное и одновременно переходит их, чтобы приоткрыть завесу тайны. Более того, как указывает Н. Луман, письменность и фонетический язык впоследствии возникают из переработки именно гадательных символов, которые образовывали элементарные символические универсумы [Луман, 2011: 248–267]. Э. Дюркгейм, отправляясь от Дж. Фрэзера, также говорит о различиях между магическим знанием и религиозным – если первое скорее скрывает сакральное от профанного, то последнее открывает доступ к сакральному, объединяет вокруг него, создавая церковь [Дюркгейм, 2018: 112–120]. Исторически отделение религиозного от магического, а в последующем научного от религиозного и магического представляет собой методологическую эволюцию эзотерических практик как канала создания и доступа к сакральному. Современное понимание эзотерики в предложенном нам смысле и ее маргинализированный статус как бастардного института есть прямой продукт модернизации. Однако в социологическом смысле и эзотерика, и религия, и наука выполняют одинаковую коммуникативную функцию в обществе, одновременно скрывая и приоткрывая сферу сакрального как примордиального источника блага, истины и власти. Эпистемическое определение сакрального и канализация доступа к нему обеспечивают распределение не только дискурсивной, но и политической власти, а также социальную иерархию в обществе в целом.

В этой связи представляет интерес социальная история становления такой «дискурсивной практики» (М. Фуко), как гадание на картах Таро. В пионерской работе на эту тему канадского ученого М. Состерика было показано, что социальная роль символической системы Таро претерпела впечатляющую трансформацию за исторически короткий период времени, и свое нынешнее глубоко «эзотерическое» и даже «окультиное» значение она приобретает лишь к концу XVIII в. как инструмент символической легитимации идеологического и классового господства новой нарождавшейся буржуазной элиты Франции [Sosteric, 2014]. До этого времени карты Таро (точнее карты для игры в «тарокки»), начиная с XV в., когда они стали известны, использовались в среде итальянской (венецианской, флорентийской, болонской) аристократии для салонных и азартных игр, став прообразом всех современных карточных колод благодаря внедрению системы четырех мастей, заимствованной из арабской карточной символики. Часто представители знати обращались к знаменитым художникам (Фра Анжелико и др.) с просьбой создать для них свою собственную колоду карт с изображением членов их семьи и друзей. Так колоды пополнялись картами с изображениями придворных особ – королей, дам (королев), рыцарей, пажей. Позже к колоде были добавлены 20 дополнительных карт, составив современный стандарт с 78 арканами (козырями).

Таким образом, изначально колода Таро не имела пресловутого мистического, оккультного ореола и не несла гадательного значения. Однако накопление элитного социального капитала и специфическое смешение идей Возрождения с герметическими традициями постепенно превратило эту игру в предмет особого культа со стороны высших сословий. В 1772 г. французский масон по имени Антуан Кур де Жебелен, изучавший

окультиные учения своего времени, опубликовал по подписке среди парижских аристократов многотомный труд «Первобытный мир», где им предпринималась попытка воссоздать облик Золотой эры человечества, и где он впервые упоминает «Таро» как «древнеегипетскую игру в карты», проводя (впрочем, ложную) этимологию этого слова к египетским корням. Кур де Жебелен стал одним из первых людей в истории, кто ввел нарратив Таро, считая его кладовой древнейшей мудрости и эзотерических тайн египетских жрецов [Court de Gébelin A., Sanacore E., 2020]. Несомненно, подобные идеи были результатом влияния яркой волны египтомании в Европе той поры. До заморских походов Наполеона в самом конце XVIII в. и последующей расшифровки Розеттского камня Египет был настоящей terra incognita для европейцев, полной мифов, тайн и легенд, обеспечивая вдохновением многих представителей эпохи романтизма. Известно, что даже главный «маг» и «чародей» Европы Дж. Бальзамо (Калиостро) не смог отказаться пройти мимо этой моды и организовал устав высшего египетского масонства в 1784 г. В дальнейшем Таро благодаря усилиям разных оккультистов и представителей тайных обществ стало последовательно обрастать новым нарративами о его связи с астрологией, каббалой и герметизмом. Однако подобная эзотеризация была не просто прихотливым творческим озарением отдельных мистиков и романтиков, но отражала и более глубокую историческую закономерность эпохи. «Общий кризис» XVII в. ознаменовал в Европе конец большой эпохи господства крупных держав, династической власти и владычества католической церкви и вылился в итоге в культурную революцию просветителей и политическую революцию «третьего сословия» в следующем веке. Либеральная в своей основе идея общества как свободного союза единомышленников, культурной общности (нации), родовой общности (человечества) вытесняет традиционную идентичность, основанную на подданстве и церковной принадлежности. Побочным продуктом этой модернизации становится и развитие новой науки – науки об обществе. Но еще одним индикатором происходящих изменений в европейской жизни того времени можно считать появление первых общественных объединений граждан, например, научного характера (Королевское общество), политического толка (виги и тори) и, в том числе, тайных обществ, включая т.н. франкмасонов (свободных или вольных каменщиков) в конце XVII – начале XVIII в. Согласно Конституции Андерсона, устава франкмасонов, это международная общественная организация была призвана объединить всех людей под эгидой новой единой религии во имя дружбы и согласия вне конфессиональных, национальных и сословных границ⁶. Уже в середине XVIII в. Римско-католическая церковь почувствовала здесь новую (после протестантизма) угрозу для своего духовного господства, и эдиктами Климента XII и Бенедикта XIV масонство было запрещено, а его участники должны были караться смертной казнью. Это усилило необходимость обеспечения организационной и доктринальной тайны нового религиозного культа.

Спекулятивному франкмасонству, унаследовавшему дух секретности от своих средневековых предшественников, тем не менее потребовалось переучредить идеологию тайны в новом «кафолическом» (целостном) религиозном духе в противовес традиционному католицизму. В этом смысле появление самой концепции «Таро» было как нельзя кстати для легитимации идеологии новой космополитической религии. Кур де Жебелен увидел в Таро именно такой универсальный и при этом сакральный образ. Его «Первобытный мир» описывал ретроутопию, в которой люди имели общий язык, общие обычаи, общую культуру и общую религию. И возрождение этого мира было сакральным делом масонов. «Существует вечный и неизменный порядок, – утверждал автор, – который объединяет небо и землю, тело и душу, физическую и нравственную жизнь, людей, общества, империи, поколения уходящие, приходящие, которые заявляют о себе в единой для всех

⁶ Конституция Андерсона // Объединенная Великая Ложа России. URL: <https://ovlr.ru/the-constitution-of-freemasons-anderson/> (дата обращения: 20.06.2024).

вере» (цит. по: [Decker et al., 2002: 56]). В этом контексте Таро обрело важную инициатическую роль проводника в мир сакрального вечного порядка.

В XIX в. открытие величия и сложности египетской цивилизации в результате обширных археологических раскопок подготовило почву для новой волны египтомании. В Англии викторианское общество было особенно в восторге от древней египетской культуры. Первоначально роль Таро в этой атмосфере была незначительной. Однако под влиянием небольшого и близкого к масонам эзотерического общества «Орден Золотой Зари» Таро приобрело важное инициатическое значение. Орден стал венцом британского оккультного возрождения, синтезировавшего в единое целое огромный массив разнородного материала, охватывающего египетскую мифологию, каббалу, енохианскую магию, алхимию, розенкрейцерство и астрологию. Последовательность козырей (арканов) колоды Таро была модифицирована, чтобы лучше соответствовать другим эзотерическим системам, и каждому из них можно было приписать гадательное значение. Этот новый числовой порядок арканов и их гадательные интерпретации лежат в основе всех современных предсказаний на картах Таро. Последующее дискурсивное закрепление универсального инициатического статуса Таро в трудах известных мистиков Леви, Кристиана и Папюса и всемирное признание символики самой известной на сегодняшний день колоды другого масона А.Э. Уайта (начало XX века) стали важными вехами символической и доктринальной самоидентификации оккультистов эпохи модерна.

Однако, как указывает М. Состерик, сами изображения фигур на картах Таро (Император, Императрица, Верховная жрица, Иерофант и др.) имеют скрытое идеологическое значение, воспроизводя элитистскую концепцию аристократической иерархии, привилегий и контроля над миром [Sosteric, 2014: 380]. Неспроста в масонском Таро старший аркан Шута (представляющий субъекта инициатического путешествия) всегда белый, молодой мужчина. Хотя формальный запрет на инициацию женщин в масоны на правах кровных или брачных связей фактически был снят в некоторых ложах уже в XVIII в., но до сих пор современные масонские ложи – это прежде всего братства (мужчин). Принцип «никаких рабов и никаких женщин» сохраняет свою силу сквозь века. В этом смысле история становления Таро и его оккультистского режима, по мнению Состерика, эксплицирует не только классовую, но и патриархальную, гендерную и расистскую идеологии.

Даже если не соглашаться с прямолинейностью подобных выводов, очевидно, что тарология как эзотерическая доктрина и гадательная практика действительно довольно быстро прошла этапы символического кодирования реальности («спираль означения»), реализуя задачу переопределения смыслов сакрального в эпоху упадка религии. Уже в конце XVIII в. последователь Кур де Жебелена Ж.-Б. Алльет (Эттейла) стал впервые использовать колоды Таро для гадательных ритуалов, положив начало популяризации и коммерциализации новой эзотерической реальности. С тех пор вокруг Таро начинает формироваться устойчивый и при этом самореферентный дискурс мифологического характера, игнорирующий реальную историю конструирования мифа. Демифологизация Таро по сей день сталкивается со своеобразным заговором молчания со стороны авторитетных литераторов, эзотериков и философов, использующих свой риторический бастион в защиту символического универсума новой духовности. Вклад в эту спираль означения делают и ученые-психологи, и семиотики, предпринимающие попытки трактовать символику Таро с юнгианских, т.е. научных позиций [Semetsky, 2010]. Характерно, что сами историки Таро признают главным социологическим фактом в своих исследованиях непревзойденный уровень обнаруженной ими дискурсивной мистификации: «колода Таро является предметом самой успешной пропагандистской кампании, когда-либо начатой [в истории] ...оккультисты полностью выдумали ложную историю и ложную интерпретацию колоды Таро, и почти все вокруг в это верят» [Decker et al., 2002: 27].

Таким образом, мы можем выделить несколько исторических этапов конструирования реальности эзотерического Таро: (1) *развитие кризисной социальности*: ослабление власти империй и религии и появление тайных обществ (франкмасонов

и других) как организационной предпосылки легитимации новой заместительной идеологии (XVII–XVIII вв.); (2) *окультиная апроприация*: выдвигание концепции «Таро» в рамках культурной моды на египтоманию А. Кур де Жебеленом и его последователями как нового универсального знания (XVIII в.); (3) *учреждение культурной сцены*: закрепление и популяризация эзотерической символики Таро представителями тайных оккультных обществ (XVIII–XIX вв.); (3) *ритуализация гадательного перформанса*: типизация статуса гадающего и институционализация таромантии как магической практики (XIX в.); (4) *репертуарная реинституционализация*: реинтеграция Таро в дискурс «новой духовности» как части массовой культуры (XX в.) и изобретение новых ритуальных функций и репертуаров за действиями символического универсума тарологии.

Действительно, с наступлением эпохи новой духовности на Западе в 1960-е гг., когда эзотерические, философские и религиозные системы стали эклектично соединяться для создания изощренных духовных систем, Таро претерпело еще одну трансформацию. Колода сохранила свою функцию как метод гадания, но характер этой практики изменился. Целью чтения Таро в эпоху Нью-Эйдж стало исцеление и саморазвитие, а не простое предсказание судьбы. Сами дивинаторы (гадающие на картах Таро) зачастую предлагают услуги целительства по системе Рейки, чистки и медитации. В рамках современного возрождения оккультизма практикующие стали искать единственное истинное Таро, «исправляя» колоду в соответствии со своими убеждениями, или создавая колоды, выполняющие иные функции, чем гадание. Теория архетипов К.-Г. Юнга лишь подтвердила возможность заимствований и смешивания культур в символике Таро [Nichols, 1980]. Таким образом, структура и символика колоды Таро постоянно смещаются. Во многих колодах отсутствуют карты младших арканов, количество старших арканов переменчиво, а их названия часто заменяются, чтобы лучше адаптировать к местной культурной среде или традиции. Все это еще раз подчеркивает релятивистский и феноменологический характер тарологии, только усиливающийся в связи с популяризацией цифровых платформ. Медитация и внедрение изощренных маркетинговых стратегий создает особую драматургическую ситуацию в практиках онлайн-гадания.

Феноменология перформативности в таромантии. В России гадания на картах в формате аудио- и видеозаписей, а также текстовых сообщений получили широкое распространение в Интернете во время пандемии на рубеже 2021–2022 гг. Но эта ситуация не уникальна. Эзотерическая культура Таро, как ни странно, нашла отклик и в таком традиционалистском обществе, как Китай, где цифровые медиа сыграли важную роль в популяризации нездешней для местной традиции методики гадания. На июль 2021 г. интерактивные видеоролики, связанные с Таро, на платформе Bilibili были просмотрены более 910 млн раз [Fu et al., 2023].

Анализ феноменологии перформативной роли Таро представляет социологический интерес как продолжение изучения истории этой дискурсивной практики. Как конструируется и легитимируется прагматика Таро в ритуалах гадания? Какова структура гадательного ритуала? Каковы ожидания кверентов от участия в ритуале? Вот вопросы, которые могут иметь социологическое значение.

Для ответов на эти и другие вопросы было проведено многоступенчатое эмпирическое исследование, первый этап которого основывался на включенном наблюдении в видеохостинге YouTube и Telegram-каналах за деятельностью иностранных и российских онлайн-тарологов. Включенное наблюдение длилось один месяц (при условии ежедневной публикации видео дивинаторами), выборка была целевой и составила 50 человек⁷. Среди онлайн-тарологов были отобраны те, чья аудитория составила от 10 тыс.

⁷ В рамках подготовительного этапа была предпринята попытка внедриться в общество тарологов с помощью активного участия в работе их каналов на YouTube и Telegram – написания комментариев, ответов на комментарии зрителей, поделившихся своим откликом к видео. Получение личной информации о тарологах стало возможно с помощью открытых вопросов на их Telegram-каналах, изучения их постов и прямых эфиров. Для первого этапа выборка была сужена со 100 человек до 50.

до 200 тыс. человек. В рамках первого этапа также был проведен контент-анализ публикуемых видеороликов, а затем на их основе был составлен социальный портрет российского и иностранного таролога. Второй этап заключался в проведении полуформализованного онлайн-опроса на платформе Zoom с 50 случайными зрителями онлайн-дивинаторов, обращавшихся за услугой гадания. Целью опроса было выявить особенности коммуникативного взаимодействия между дивинаторами и кверентами (обращающимися к гадалею) в онлайн-пространстве, а также отношение заказчиков к процессу гадания. Третий этап – проведение глубинного онлайн-интервью с 50 онлайн-дивинаторами на платформе Zoom: выборка стратифицированная, география исследования – Россия (10 респондентов), США (8 респондентов), Европа (Швейцария – 7 респондентов, Германия – 6 респондентов, Великобритания – 10 респондентов), Индия (9 респондентов). Поиск респондентов осуществлялся по YouTube-каналам, количество подписчиков у которых варьировалось от 20 до 500 тыс. человек. Выбор представленных культур обусловлен наибольшей распространенностью онлайн-гаданий на YouTube в данных странах по сравнению с другими регионами. При интерпретации результатов использовался нарративный анализ, который позволил взглянуть на процесс конструирования эзотерической реальности с позиции «домашнего» мира онлайн-дивинатора⁸.

Социальный портрет самых популярных онлайн-тарологов на просторах YouTube в России – это женщина 45 лет, среднее количество подписчиков 20–50 тыс. человек, у некоторых онлайн-тарологов аудитория насчитывает более 100 тысяч человек. Самая масштабная целевая аудитория – разведенные или одинокие женщины в возрасте от 45 лет. Основная тематика раскладов – отношения между мужчиной и женщиной, а точнее, мысли и чувства мужчины по отношению к женщине-заказчику.

По сравнению с российскими онлайн-тарологами у целевой аудитории иностранных гадалек темы любви и карьерных перспектив занимают не первое место, их больше волнует ответ на вопрос о том, когда закончится «темная» полоса в их жизни и как они могут начать свое «духовное» развитие. На англоязычном YouTube гадание на картах Таро практикуется более молодыми специалистами, преимущественно женщинами. Их средний возраст составляет 35 лет, самыми популярными остаются расклады по знакам зодиака. При этом в англоязычном YouTube в названии раскладов больше используются слова «судьба», «родственная душа», «высшие силы», а сами тарологи часто занимаются продажей кристаллов, авторских колод карт.

По результатам включенного наблюдения были выделены два типа онлайн-дивинаторов и их зрителей. Первый тип дивинатора делает акцент на «сверхъестественном» и «мистическом опыте», в то время как второй тип представляет собой «мягкое» сочетание «духовности» с популярной психологией. Большое внимание первый тип уделяет образу самого дивинатора: он должен быть «мистическим» и «загадочным», давать неоднозначные ответы, а иногда и шокировать кверента. Данная группа дивинаторов часто использует такие слова, как «судьба», «пророчество», «грядет» для усиления воздействия на зрителя. Второй тип наибольшее внимание уделяет процессу и результату коммуникации – информация дивинатора должна быть понятной и доступной для каждого зрителя.

Как и ожидалось, онлайн-тарологи, чьи расклады обладают позитивным посылом и заканчиваются оптимистично, набирают наибольшее количество просмотров и подписчиков. Большинство зрителей подсознательно ищут в словах дивинатора поддержку и акцентирование своих сильных сторон и качеств, уверенность в своем светлом будущем.

Среди них были отобраны те, доступ к информации которых удалось получить при непосредственном участии в прямых эфирах (бесплатных онлайн-гаданиях и ответах на вопросы), а также путем их ответов на комментарии. Оставшиеся 50% дивинаторов продемонстрировали резко отрицательное отношение к вторжению в их «личное пространство».

⁸ За основу исследования на втором и третьем этапах была взята классическая анкета Д. Йоргенсена для изучения эзотерической культуры, которая включает в себя вопросы, посвященные биографии гадала, «философии» гадания, отношению к эзотерической культуре и др. [Jorgensen, 2020: 244–249].

В этом отношении важным навыком для конструирования эзотерической реальности становится управление впечатлением о себе, требующее, чтобы онлайн-дивинатор контролировал свои эмоции и умел направлять их в нужную сторону.

В рамках первого этапа исследования анализу также подверглись 100 комментариев под видео онлайн-дивинаторов. 20% комментариев в России составили негативные и скептические комментарии, обвинения дивинаторов в мошенничестве и распространении «подтасованной» информации. Вера в сверхъестественное, согласно подобным комментариям, ассоциируется с низким уровнем интеллекта («...как можно верить в эту чушь»; «...еще одна мошенница»).

С другой стороны, было выявлено, что многие зрители считают просмотр онлайн-гаданий формой «исцеления» и «отвлечения от проблем»: «...смотрю расклад и успокаиваюсь»; «не на кого смотреть расклад, захожу просто послушать вас». Просмотр гаданий на картах Таро рассматривается некоторыми зрителями как бесплатная альтернатива дорогостоящей, длительной терапии с психологом, независимо от того, иллюзорна эта помощь или нет. Другими словами, существует потенциал для использования гадания на картах Таро как способа безопасного и творческого преодоления травмирующих переживаний. Тем не менее актуальной проблемой остается проблема доверия и уязвимости, получившие еще большее распространение в онлайн-пространстве. К примеру, прибегая к платным услугам дивинатора, беспокойство за сохранение конфиденциальности личной информации продолжает расти («...не до конца понимаю, куда пойдет дальше моя история после консультации»).

В рамках второго этапа анализа благодаря проведенным полуформализованным интервью со зрителями онлайн-тарологов было выявлено, что главным фактором, определяющим формат коммуникации между кверентом и гадающим, является величина социальной дистанции между ними. На этот показатель оказывает влияние наличие/отсутствие у таролога Telegram-канала, личного обращения к зрителям в начале публикуемых видео, ответов на комментарии, демонстрация своего лица на видео, а также вежливость и доброжелательность со стороны дивинатора. Высокий уровень доверия (более 70%) наблюдается у зрителей по отношению к тарологам, имеющим в открытом доступе цены на предоставляемые услуги, свои контакты и отзывы клиентов, а также данные, свидетельствующие об опыте работы. За рубежом практически все респонденты (более 90%) продемонстрировали уважение и доверие к выбранному специалисту, в России данный показатель значительно ниже – меньше 40%. Большинство российских тарологов, по словам собеседников, предлагают слишком краткий и сжатый ответ на вопрос без возможности уточнения. «Мне трудно назвать полученную услугу консультацией, она сказала всего лишь два предложения и потребовала оплату. Хотелось – бы узнать, все ли тарологи такие. Я разочарована», – поделилась одна из участниц опроса. Другим же из интервьюируемых понравилась оказанная услуга гадания, но обещанное тарологом так и не сбылось: «Мне было очень комфортно общаться с ней, длилось все около 1 часа, можно было задать любой вопрос. Ничего из сказанного в итоге не сбылось, но зато я стала больше верить в себя». Около 46% клиентов ссылались на неправдоподобность сказанной дивинатором информации и подтасовку ответа на вопрос, а 37% отметили, что расклады на картах Таро являются своего рода терапией, но никак не заменой профессиональной помощи (например, психолога или врача). Среди наиболее распространенных тем обращения можно выделить потрясение, связанное с потерей близкого человека («...я обратилась сразу после внезапной смерти мужа») или желанием лучше узнать себя («...мне кажется, что я иду не туда, поэтому решила взглянуть на себя глазами эзотерики»).

Большую роль, особенно в России, играют не столько знания таролога в области эзотерики, но еще и его личные качества – коммуникабельность, отзывчивость, умение расположить человека к себе, а также знания основ психологии для успешного взаимодействия с клиентом. Таким образом, в настоящее время профессия таролога в условиях возрастающей конкуренции все больше требует рационального подхода к построению

персонального бренда личности дивинатора и умения контролировать иррациональность самого акта гадания в рамках продуманной маркетинговой стратегии по привлечению и удержанию клиента. Неспроста в онлайн-пространстве большая роль отводится имиджу таролога, и успех его деятельности во многом определяется способностью дивинатора создать образ, который найдет отклик у зрителей.

На этапе глубинных интервью были опрошены специалисты, проявившие желание принять участие в исследовании. Характерно, что среди них около 40% поддерживают развитие науки и исследование гаданий на картах Таро через призму социологии («...я думаю, что наука еще не нашла объяснение эзотерике, но было бы здорово поработать вместе с учеными или даже изучить карты Таро с новой стороны»; «...возможно, ваше исследование поможет восстановить доброе имя тарологам, а то сейчас много неопытных берутся за карты и делают только хуже»), 22% респондентов приняли участие, так как сами по образованию являются сторонниками науки («...я по образованию клинический психолог»; «у меня диплом медика...»). Это доказывает, что научное мировоззрение не служит препятствием для веры в эзотерику. 37% тарологов согласились принять участие в исследовании за денежное вознаграждение или рекламу их деятельности, что также говорит о рефлексивной рациональности в их работе.

Согласно результатам проведенных глубинных интервью, было выделено несколько основных подходов дивинаторов к конструированию мантической реальности. В рамках первого подхода гадание – это история, которая складывается из последовательных фрагментов посредством диалога между дивинатором и клиентом, когда последний задает вопросы, использует знание значений карт Таро, а также интуицию, чтобы получить ответ в процессе гадания и сформулировать его клиенту.

В рамках второго подхода гадание рассматривается как дар, данный свыше и доступный немногим. Изучение практик гадания сравнивается с изучением смысла сакральных символов, само гадание рассматривается как часть совместного духовного опыта. С помощью Таро участники гадательного ритуала устанавливают связь с воображаемым архетипическим миром и пытаются связать его с индивидуальной судьбой заказчика. Таким образом, мантический ритуал инициирует кверента в магическую реальность и помогает ему сформировать свое «новое я», изменив свою привычную репрезентацию в обществе.

Последователи третьего подхода признают феноменологический характер своей работы. Смысл гадания и интерпретация карт Таро, по мнению дивинаторов данной группы, исходит, скорее, от самих людей, участвующих в ритуале, а не от метафизической реальности (в виде фиксированных эзотерических значений карт, схем их раскладов). Данные дивинаторы определяют процесс интерпретации раскладов и сам процесс гадания как индивидуальный и уникальный для каждого нового клиента.

Следует отметить, что способность человека интерпретировать язык предсказаний, представленный в картах Таро, зависит от того, как сам дивинатор идентифицирует себя в рамках феноменологической структуры гадательного ритуала. Одни дивинаторы считают, что именно карты Таро управляют процессом гадания, другие верят, что это инструмент, позволяющий устанавливать связь с высшими силами, третьи позиционируют себя как «одаренного человека», который способен транслировать информацию кверенту и без карт. Около трети респондентов, занимающихся гаданиями профессионально, считают себя «духовными» людьми, и первостепенную важность для них имеет установление «диалога» между собой и колодой во время ритуала, а также между самими картами. Другими словами, дивинатор направляет свое социальное действие, скорее, не в сторону кверента, а в сторону карт Таро, наделяя их мистическими актантными свойствами.

Таким образом, феноменологическая сеть ритуального гадания включают в себя сложные взаимозависимости и взаимовлияния дивинаторов, кверентов, самих карт, а также всевозможных сверхъестественных сил, выступающих акторами совместного социального перформанса. Его особенностью является активное творческое измерение события, в результате которого конструируются новые символические универсумы за счет ресурса

воображения его участников [Snow, 2010]. Дивинаторы могут использовать техники «горячего» и «холодного» чтения, сочетая предварительное знание о клиенте и наблюдение за ним в прямом эфире, обращаться к своей интуиции, «дару» и творчески комбинируя знания, навыки и драматургические элементы исполнения. Кверенты также направляют дивинатора в сторону своей субъективной реальности, в рамках которой происходит легитимация или разоблачение гадательного нарратива. Карты и мистические силы создают материальный и нематериальный антураж сакральной трансгрессии, призванной приоткрыть завесу тайны и инициировать трансмутацию непосвященного. Ожидаемым итогом этого перформанса становится производство чуда в форме особого элицитационного нарратива, направленного на откровение, извещение, проявление, возвешение, свидетельство, знамение, манифестацию скрытого, но истинного знания. О чем это знание? Как писал А.Ф. Лосев, чудо – это «совпадение случайно протекающей эмпирической истории личности с ее идеальным заданием» [Лосев, 2001: 190]. Другими словами, мантический ритуал позволяет в восприятии заказчика эксплицировать и интерпретировать имеющие важный, в пределе терминальный, ценностный характер для его личности элементы жизненного пути, узнать и/или поменять судьбу, обрета новую силу.

Заключение. Как мы видим, конструирование эзотерической реальности Таро происходило и происходит на разных морфологических уровнях социального порядка – от культурных закономерностей модернизации до ритуальных паттернов дивинационных коммуникаций. Но несмотря на всю сложность этого феномена, фундаментальная функция эзотерики как дискурсивной практики всегда выполняется – воспроизводство социального и символического порядка на окраинных культурных сценах общества. Когда наука и религия удовлетворяют наши потребности в упорядочивании реальности недостаточно эффективно, в дело вступает эзотерика. В XVIII в. она выдвигается как модное социальное движение в верхних слоях европейского общества и активно популяризируется как заместитель христианской религии и недостаточно развитой науки. В XX в. эзотерика возрождается как контркультурное движение уже против излишней рационализации со стороны научно-технического дискурса. Один из основателей социологии эзотерики Э. Тирикьян, изучая оккультное возрождение в Америке 1960-х гг., прямо указывал, что наступление «Эры Водолея» является важнейшим социологическим событием, показывая как эзотерическая культура, внешне противостоя экзотерической (научной или религиозной), тем не менее становится источником социальных и культурных инноваций, позволяющих обществу поддерживать внутренний баланс [Тирикьян, 2013]. Сегодня эзотерика и тарология активизируют свой адаптационный потенциал в рамках глобального BANI-мира, атакующего жизненные миры людей. Хрупкость, тревожность, нелинейность и непостижимость нового порядка рождают в массовом сознании так называемое эсхатологическое побуждение, окрашивающее мир в зловещие краски грядущего апокалипсиса. И эзотерика играет здесь важную роль наставника, утешителя и проводника в будущее. Дивинаторы отмечают, что расклады на будущее вызывают привыкание, и клиенты возвращаются снова и снова, чтобы лучше подготовиться к будущим событиям или предсказать их. Иррациональность подобной стратегии компенсируется ее эффективностью в создании условий для эмпаурмента в травмированных жизненных мирах. Как пишет австралийский журналист Г. Нанн, самостоятельно проведенный расследование природы эзотерических услуг методом включенного наблюдения, таромантия и другие виды маргинальных знаний и практик создают востребованную смысловую реальность, в которой люди проясняют свои проблемы, желания, отношения, и тем самым реконструируют свою личность для более эффективной саморепрезентации [Нанн, 2023: 277–278]. Самоисполняющиеся пророчества работают здесь во всю силу, но людям в условиях кризисной социальности это необходимо как, возможно, единственно действенная копинг-стратегия, позволяющая справиться с неопределенностью, обрести силу, привнести смысл и порядок в свою жизнь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. М.: Элементарные формы, 2018. [Durkheim É. (2018) *Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique en Australie*. Transl. from Fr. Moscow: Elementarnye formy. (In Russ.)]
- Инглхарт Р. Неоожиданный упадок религиозности в развитых странах / Пер. с англ. СПб.: ЕУ в СПб., 2022. [Inglehart R. (2022) *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?* Transl. from Eng. St. Petersburg: EU v SPb. (In Russ.)]
- Катерный И.В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26. [Katernyi I.V. (2023) Development of the theory of crisis in sociology: evolution of ideas and modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 14–26. DOI: 10.31857/S013216250028301–4. (In Russ.)]
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. [Losev A.F. (2001) *Dialectics of Myth*. Moscow.: Mysl. (In Russ.)]
- Луман Н. Общество общества. Кн. 2: Медиа-коммуникации / Пер. с нем. М.: Логос, 2011. [Luhmann N. (2011) *Die Gesellschaft der Gesellschaft. Kapitel 2: Kommunikationsmedien*. Transl. from Germ. Moscow: Logos. (In Russ.)]
- Малиновский Б. Магия, наука и религия / Пер. с англ. М.: Академ. проект, 2020. [Malinowski B.K. (2020) *Magic, Science and Religion*. Transl. from Eng. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)]
- Нанн Г. Битва с экстрасенсами Как устроен мир ясновидящих, тарологов и медиумов / Пер. с англ. М.: Individuum, 2023. [Nunn G. (2023) *The Psychic Test. An Adventure in the World of Believers and Sceptics*. Transl. from Eng. Moscow: Individuum. (In Russ.)]
- Тирикьян Э. К социологии эзотерической культуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 4(31). С. 247–275. [Tiryakian E.A. (2013) Toward the sociology of esoteric culture. *Gosudarstvo, religiya, cerkov v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. No. 4(31): 247–275. (In Russ.)]
- Court de Gébelin A., Sanacore E. (2020) *Del Gioco dei Tarocchi. Ricerche sui Tarocchi*. Independently published.
- Decker R., Depaulis T., Dummett M. (2002) *A Wicked Pack of Cards: The Origins of the Occult Tarot*. London: Gerald Duckworth and Co. Ltd.
- Fu H., Li Y., Lee F.L. (2023) Techno-cultural domestication of online tarot reading in contemporary China. *Media, Culture & Society*. Vol. 45. No. 1: 74–91. DOI: 10.1177/01634437221104700.
- Jorgensen D.L. (2020 (1992)). *The Esoteric Scene, Cultic Milieu, and Occult Tarot*. London, New York: Routledge.
- Neugebauer-Wölk M. (2010) Des Esoteriker: Wie das Esoterische im 18. Jahrhundert zum Begriff wird und seinen Weg in die Moderne findet. *Aries: Journal for the Study of Western Esotericism*. Vol. 10: Iss. 2: 217–231. DOI: 10.1163/156798910X520601.
- Nichols S. (1980) *Jung and Tarot: An Archetypal Journey*. New York: Samuel Weiser.
- Rosenthal B.G. (2012) Occultism as a response to a spiritual crisis. *The New Age of Russia: Occult and Esoteric Dimensions*. Ed. by B. Menzel, M. Hagemeister, B.G. Rosenthal. Berlin: Verlag Otto Sagner: 390–420.
- Semetsky I. (2010) Interpreting the signs of the times: beyond Jung. *Social Semiotics*. Vol. 20. No. 2. P. 103–120. DOI: 10.1080/10350330903565600.
- Snow P. (2010) Performing society. *Thesis Eleven*. Vol. 103. No. 1: 78–87. DOI: 10.1177/0725513610381376.
- Sosteric M. (2014) A sociology of tarot. *Canadian Journal of Sociology*. Vol. 39. No. 3: 357–391. DOI: 10.29173/cjs20000.

Статья поступила: 05.08.24. Финальная версия: 18.09.24. Принята к публикации: 01.10.24.

HISTORICAL AND PHENOMENOLOGICAL DIMENSIONS OF CONSTRUCTION OF ESOTERIC REALITY IN TAROMANCE

KATERNYI I.V.^{***}, ZAKIEVA D.E.*

**MGIMO University, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

Ilya V. KATERNYI, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (yarkus@mail.ru); Diana E. ZAKIEVA, Postgraduate Student (diana.zakieva@list.ru). Both – Department of Sociology, MGIMO University, Moscow, Russia.

Abstract. The article refers to the study of social and cultural apparatus applied for constructing esoteric reality within the discursive practice of fortune telling with Tarot cards, which has shown an increasing market in Russian and global popular culture. The forepart examines the sociocultural background of taromancy as a part of modernization of Western European society starting with the General crisis in the 17th century and down to New Age movement in the 20th century. It is proved that the fortune-telling pragmatics of the Tarot has no any relation to ancient knowledge or archetypal symbols, but is constructed as an initiative and doctrinal systems of new secret societies (free masons et al.) aimed at replacing traditional religions with the discourse of alternative sacred. The second part of the article provides some data from a multi-stage empirical study of the fortune-telling performance as structured with symbolic and social patterns. The social types of tarot readers and their customers, their communication strategies are identified, and the phenomenological network of the fortune-telling ritual and its dramaturgical order are shown.

Keywords: esoterics, tarot, fortunetelling, secret societies, construction of reality, social performance.

Received: 05.08.24. Final version: 18.09.24. Accepted: 01.10.24.